

образ

“Нам было достаточно двух-трех жестов, чтобы поприветствовать друг друга и пожелать удачи”

НА ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПОДЕЛИТЬСЯ СВОИМИ ВОСПОМИНАНИЯМИ О БРАТЕ, МГЕРЕ МКРТЧЯНЕ, КОТОРОМУ 4 ИЮЛЯ ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ 80, КИНОРЕЖИССЕР АЛЬБЕРТ МКРТЧЯН СРАЗУ ЖЕ СОГЛАСИЛСЯ, ПОМЯТУЯ И ТОТ ФАКТ, ЧТО «ХАЧКАР» В СВОЕ ВРЕМЯ «СДЕЛАЛ ПРЕКРАСНЫЙ МАТЕРИАЛ О ФРУНЗИКЕ», И ТО, ЧТО САМО НАЗВАНИЕ ЖУРНАЛА ДЛЯ НЕГО ГЛУБОКО СИМВОЛИЧНО:

Текст: Кари АМИРХАНЯН

- Я не хочу повторять все то, что не раз уже говорилось о брате. Я просто рассчитываю на беседу – легкие, то есть не очень грустные, воспоминания о нем... Он был талантливейшим из актеров, я же – режиссером средней талантливости, но не среди режиссеров, а по сравнению с уровнем его актерского мастерства. Звучит каламбурно, но это действительно так. Все, чтобы я не создал, я делал с оглядкой на Фрунзика. Мне очень сегодня его не хватает...

– Вы были на семь лет младше брата.

образ

Альберт
Мкртчян

образ

БЫВАЛО, МЫ С БРАТОМ ЦЕПЛЯЛИСЬ НЕ НА ШУТКУ. Я ЕМУ ДОКАЗЫВАЛ, ЧТО ОН НЕ ПРАВ В ТОМ ИЛИ ИНОМ ВОПРОСЕ. ОН ДОКАЗЫВАЛ ОБРАТНОЕ. Но, что интересно, даже когда Фрунз был на все сто виноват и я успевал доказать ему это, он, крепко меня обнимая, все же шептал мне на ухо: "ладно, так и быть, я тебя прощаю"...

Как-то это отражалось на ваших взаимоотношениях?

- Возраст не имел для нас никакого значения. Собственно, он и не ощущался. Но Мгер с детства был тихим и смиренным. Я же старался его расшевелить. Где-то, возможно, он и комплексовал из-за своей внешности. Но потом он и сам стал часто подшучивать над своим носом, наверное, для того, чтобы другие не подтрунивали над ним. Я был взрывной, он же – необычайно спокойный. Все накапливал в себе, переживал как-то по-своему тихо. А выражалось все в глазах – очень грустных, но с искоркой смеха, и очень добрых.

- Это как у Гоголя сказано: "Сквозь видимый миру смех – невидимые миру слезы"...

- Это точно сказано. Вообще же, его не-придуманная простота, пронзительная человечность и сумасшедший гюмрийский юмор заряжали людей, делали их добре друг к другу. У него был удивительный дар – подмечать самое характерное в человеке, а затем, пропустив через призму своих ощущений, выдавать свой образ в неожиданной трактовке, почти до портретного сходства, с присущими тому или иному конкретному человеку жестами, мимикой, словами. Но это было далеко от подражания. Он творил новый образ, начиная его типичными характеристиками.

- **Говорят, он был прекрасным рассказчиком, и анекдоты рассказывал отменно...**

- Что касается анекдотов, то он их сам и придумывал. Он воспроизводил то, что слутилось с ним когда-то, а потом от других слышал им же рассказалную историю. К примеру, была такая история: мы с Фрунзиком отдохнули в Сочи. Лежим мы на песке пляжа, загораем. Вдруг вижу, как он из песка лепит фигуру женщины, "отдыхающей" рядом

с нами. (кстати, отец мечтал, чтобы Мгер стал художником). Очень скоро появились и первые зрители. Они, пристроившись за спиной Фрунзика, жаждали сфотографироваться с Фрунзи ком, пусть даже за его спиной. Желающих сфотографироваться становилось все больше и больше. А Фрунзiku было все напочем. Он спокойно делал свое дело, не обращая внимания на собравшуюся толпу. Вот тогда я и сказал брату, что за его счет можно было бы и неплохо подзаработать, устроиться я фотографом. Фрунзик от души расхохотался.

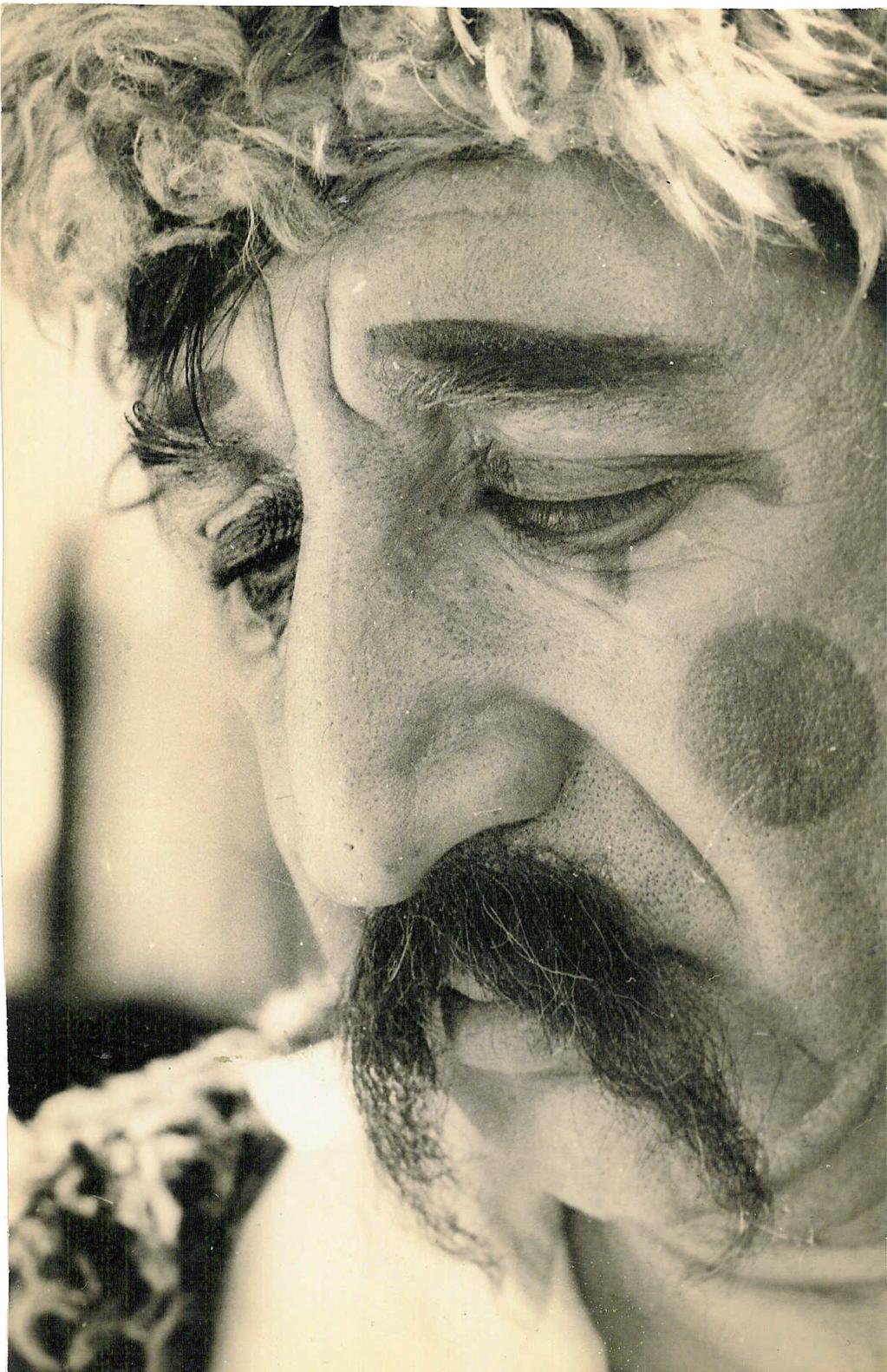
- Но не может быть, чтобы все у вас было ладно. С нашим кавказским темпераментом и упрямством...

- И это естественно. Творческий процесс никогда не обходится без трений. Бывало, мы с ним цеплялись не на шутку. Я ему доказывал, что он не прав в том или ином вопросе. Он доказывал обратное. Включалась вся ненормативная лексика, чуть ли не до кулаков доходили споры. А потом разом мы замолкали, успокаивались, прощали друг другу все обиды, обнимались. Но, что интересно, даже когда Фрунз был на все сто виноват и я успевал доказать ему это, он, крепко меня обнимая, все же шептал мне на ухо: "Ладно, так и быть, я тебя прощаю"... При этом мы не любили демонстрировать свои чувства напоказ. Бывало, по работе мы долго не виделись, или даже пересекались в аэропорту. И тогда нам было достаточно двух-трех жестов, чтобы поприветствовать друг друга и пожелать удачи.

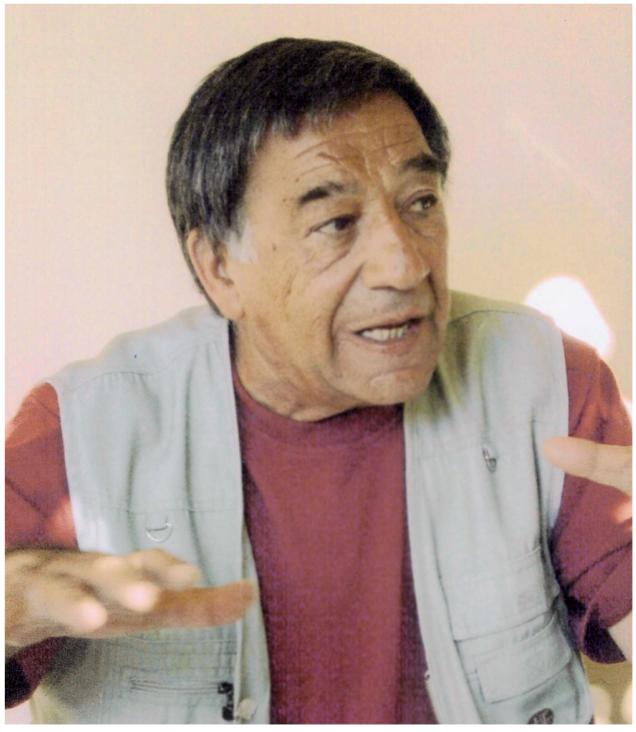
- Фрунзе Мкртчян был артистом, пользующимся какой-то абсолютной народной любовью. Он был кумиром прошлых лет, остался кумиром и сегодня. Особенно привязаны были к нему простые деревенские люди...

- Деревенские даже целовали его машину... Я помню одну историю, которая тоже превратилась в анекдот и я ее часто слышал в новых интерпретациях. А дело было так: Нас с Фрунзи ком пригласили в одну из деревень Сосуна, на хац. Накрыли стол, разложили лаваш, подали горячий хац. И вдруг мы заметили, что в окнах этого деревенского дома мелькают лица - мужские, женские, детские... Хо-

У МГЕРА БЫЛ УДИВИТЕЛЬНЫЙ ДАР - ПОДМЕЧАТЬ САМОЕ ХАРАКТЕРНОЕ В ЧЕЛОВЕКЕ, А ЗАТЕМ, ПРОПУСТИВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СВОИХ ОЩУЩЕНИЙ, ВЫДАВАТЬ СВОЙ ОБРАЗ В НЕОЖИДАННОЙ ТРАКТОВКЕ... НО ЭТО БЫЛО ДАЛЕКО ОТ ПОДРАЖАНИЯ. ОН ТВОРИЛ НОВЫЙ ОБРАЗ, НАЧИНИЯ ЕГО ТИПИЧНЫМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ.

образ

СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ ПРОШЛО С ТЕХ ПОР, КАК НЕ СТАЛО МГЕРА, НО, ЧТО УДИВИТЕЛЬНО: В ТЕАТРЕ, НОСЯЩЕМ ЕГО ИМЯ, ОЩУЩАЕТСЯ ПОЧТИ ФИЗИЧЕСКОЕ ЕГО ПРИСУТСТВИЕ - ОН ПРОДОЛЖАЕТ ЖИТЬ В КАЖДОЙ СЦЕНКЕ, В КАЖДОЙ НАШЕЙ ПОСТАНОВКЕ...

зянин дома отогнал любопытных и накричал на них, чтобы они больше не приближались к дому ни на метр. Фрунз спокойно, в своем стиле, попросил хозяина успокоиться и сказал, что не видит в действиях его соседей ничего предосудительного. Более того, он даже будет рад, если те посетят их дом. Так и сделали. Отодвинули стол, где помещались яства, к середине комнаты, а затем широко открыли дверь. Люди начали молча входить в квартиру, не мигая, во все глаза смотрели на то, как Фрунзик ест хаш, обходили его, как в мавзолее Ильича, и так же молча выходили наружу. Длилось это действие, наверное, минут пятнадцать. При этом Фрунз, храня абсолютное молчание, преспокойно ел свой хаш, стараясь не смутить деревенских. Но я-то знал, что он был готов в каждую секунду взорваться от смеха, но знал я и то, что он никогда не позволит себе сделать этого.

- В конце творческого и жизненно-го пути Мгер Мкртчян получил свой собственный театр. Все удивлялись, потому что для себя он не привык что-либо «выбивать». Но в этой своей идее он был удивительно последовательным...

- Этот театр и по сей день продолжает действовать. Я помню роль, которую выбрал Фрунзик для себя в спектакле "Жена пекаря" по пьесе Паньюля. Она была для него особым откровением: в ней было слишком много личного, наболевшего. Это был его надрыв, отчаяние... Семнадцать лет прошло с тех пор, как не стало Мгера, но вот что удивительно: в театре, носящем его имя, ощущается почти физическое его присутствие - он продолжает жить в каждой сценке, в каждой нашей постановке...

